Ивакин Г.А.

Доктор исторических наук, доцент, заместитель директора ФГБНУ «Психологический институт РАО», Москва.

От конституционной «пробы пера» до консервативной контрреволюции начала XX века *(*эволюция конституционной идеи до зарождения думской монархии в России*)*

Более тридцать лет назад российский народ принял историческое решение - двигаться вперед по пути демократии и свободы совести. Это было продолжение связи между прошлым и будущим.

Говоря о формировании общественно-политического движения в России, следует упомянуть некоторые объективные законы развития общества в целом. Эти законы действуют независимо от отдельных людей, будь то коронованные властители или генералы с галунами. В политике и в жизни, в конечном счете побеждает лидер или движение, которые отражают определенные тенденции в развитии общества, максимально соответствующие его потребностям. Это проявление определенных законов. Если деятельность субъектов исторического процесса соответствует этим законам, она, даже при наличии ошибок, обречена на успех [18, с. 4].

В начале XX века произошла серьезная перегруппировка политических сил. Консервативный лагерь, известный как «историческая власть», имел за собой не только законную оппозицию, земство, либеральную профессуру, но и политический радикализм с социалистическими тенденциями, сторонившийся всякого вида «нелегальщины». Борьба между этими тремя течениями проявилась в публицистике, журналах и прокламациях еще в 1861 году. Теперь это стало реальным общественным движением [19, с. 16]. И эти общественно-политические объединения получили простор для своего развития и активности.

Эти политические силы были тесно связаны с индустриализацией страны, которая стала новым этапом промышленной и научно-технической революции в России. Эти процессы вызывали существенные социальные изменения и приводили к перегруппировке классовых сил и но-

вой политической констелляции [19, с. 17].

Историк В.О. Ключевский писал о том, что аграрная Россия превращалась в фабрично-заводскую, и помимо противостояния между крестьянами и помещиками, борьбы между трудом и капиталом, появились новые социальные группы, связанные с интеллектуальной и теоретической работой [19, с. 17].

Сельскохозяйственная страна канула в прошлое, и вместе с ней ушло и «равенство в молчании» [19, с. 17].

Как сказал французский философ и политолог Раймон Арон, «Режим, о котором плохо отзываются все граждане, можно отнести к разложившимся уже потому, что он не может заручиться поддержкой управляемых» [11, с. 21].

Как замечает исследователь и профессор Малышева О.Г., сама идея народного представительства по образцу западноевропейских стран была больной и неприемлемой для российских императоров. Однако некоторые из наиболее прозорливых императоров понимали необходимость внесения декоративных изменений в абсолютизм с целью сохранения монархического строя.

Первые попытки ограничить власть монарха законодательно были предприняты в начале XVII века, во время смутного времени. Тушинцы и семибоярщина разработали условия для приглашения Владислава, сына польского короля Сигизмунда, на русский престол. Ему приходилось не только принять православие, но и совещаться с боярской думой и земским собором перед принятием решений. Также гарантировалась личная и имущественная неприкосновенность служилых людей [7; 9] и «кондиции», которые были подписаны Анной Иоанновной, но позже были аннулированы в 1730 году. Одной из попыток ввести что-то похожее на конституцию «сверху» можно считать деятельность Уложенной комиссии в 1767–1768 годах [10].

В свете неоднократных проектов введения народного представительства с ограниченными полномочиями, следует отметить, что они начали появляться в правление Александра I. Проекты М.М. Сперанского «Введение к уложению государственных законов» (1809 г.) [22] и Н.Н. Новосильцева «Государственная уставная грамота Российской империи» (1820 г.) [25] являются ярким примером таких предложений. Однако, стоит отметить, что после увольнения Сперанского в 1812 году проект Государственной думы был заморожен на 93 года, благодаря деятельности европейца, влиятельнейшего идеолога консерватизма – Жозефа де

Менстра и другим политическим силам.

Политическая опала М.М. Сперанского и активные революционные выступления в Европе привели к отсрочке реализации конституционных проектов в России. Общественное ожидание перемен породило инициативы, такие как «Конституция» Н. Муравьева [15] и «Русская Правда» П. Пестеля [16].

Согласно «Русской Правде», предполагалось, что Россия превратится в республику с Государственной думой, аналогичной французской Директории. Однопалатный парламент в виде народного веча и «блюстительская» власть, представленная Верховным Собором из 120 авторитетных и уважаемых людей, также заложены в этом проекте [10].

Следует отметить, что «конституционные идеи» получили свое подтверждение в эпоху правления Александра II. Записки П.А. Валуева, Великого Князя Константина Константиновича и проект министра МВД М.Т. Лорис-Меликова дали основу для этих реформ. Жозеф де Менстра сыграл значительную роль в выборе политических преобразований, особенно в угрозе постепенного освобождения крестьянства и учреждения государственной думы. Для основоположника политического консерватизма Жозефа де Менстра демократия и разделение властей были чрезвычайно пугающими. Интриги были ему легким делом благодаря его интеллектуальной известности в Европе и присутствию на беседах с самим Императором Александром I, а также благоговению его подчиненных [8, с. 295].

В «эпоху Великих реформ» 60-70 гг. XIX века вопрос о народном представительстве приобрел особую остроту. Император Александр II, после долгих раздумий, решил позволить выборным представителям привилегированных сословий участвовать в законодательной деятельности. Однако, эти робкие попытки реформирования политической системы сверху были похоронены убийством императора 1 марта 1881 года.

Александр III, в отличие от своего отца, относился с негативом к идее народного представительства. Своим указом он отменил решения отца о привлечении выборных. В этом решении существенную роль сыграл К.П. Победоносцев, который убеждал императора в том, что «верховная говорильня», организованная по образцу «гнилого Запада», является орудием неправды и источником интриг…» [14, с. 178-179]. Александр III оставался непоколебимым в вопросе о парламентаризме до последних дней своего правления. Интересно отметить, что в 1893 году, после доклада одного из министров о работе японского парламента, царь напи-

сал: «Чепуха и комедия».

Ступив на трон, император Николай II унаследовал от отца пристрастное отношение к народному представительству. В связи с докладом министра иностранных дел о положении дел на Крите от 24 декабря 1898 года, он высказал следующую мысль: «Очень важно на первых же порах ограничить, сколь возможно, применение на Крите представительного начала, о чем меня очень просил королевич Георгий еще в Дании. С этим я вполне согласен» [14, с. 180].

По состоянию на тот период, в Российской Империи высшим законосовещательным учреждением оставался Государственный Совет, созданный во время политических реформ М.М. Сперанского. Членство в Совете было пожизненным, а в его состав входили только министры по должности. Остальные члены Государственного Совета назначались императором, включая генерал-губернаторов и членов императорской фамилии. Политические преобразования и введение народного представительства связывались с деятельностью Государственного Совета [23, с. 45]. С течением времени принципы назначения в Совет также менялись.

В 1905 году стало ясным, что реформы в Государственном совете необходимы. Учреждение старело и славилось своим огромным опытом, но при этом ограниченной эффективностью. Во второй половине XIX века несколько раз рассматривались планы введения выборных представителей в Совет [23, с. 45].

26 февраля 1903 года стал началом предстоящих изменений в политическом порядке. В этот день был опубликован манифест «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». В подготовке этого документа существенную роль сыграл министр внутренних дел Плеве. Сам Плеве был уверен, что «всякая игра в конституцию должна быть в корне пресекаема» [1, с. 586]. Интересно отметить, что сам император самостоятельно внес правки в Манифест.

Из первоначального проекта было удалено все, что касалось свободы слова и совести, а также намерения «приблизить народные нужды... к престолу». В документе было отсутствие доверия к «свободным общественным силам» и каким-либо изменениям в системе государственного управления. Отмечалось только строгое соблюдение уже существующих законов [14, с. 15]. Все сводилось к некоторому развитию местного самоуправления и усилению влияния православной церкви.

Газеты и журналы правомонархической направленности называли:

«Историческим событием», «Великим актом», «Укреплением порядка и правды в русской земле», «Царской милостью» [4]. Безусловно, царский акт усилил авторитет местной власти, и после его публикации был создан специальный совет при МВД для расширения и повышения статуса губернского управления.

Однако в январе 1904 года война с Японией прервала естественный ход политических преобразований. Великая империя столкнулась с поражениями на фронте, которые оскорбили национальное самолюбие. Нахлынувший патриотический гнев обратился против собственного царя [19, с. 24].

Война требовала единства нации, и царь попытался найти общий язык с оппозиционной либерально-демократической общественностью [19, с. 25].

1 ноября 1904 года П.Д. Святополк-Мирский представил императору доклад, в котором было отмечено «критическое положение... 99% населения России желают (допущения населения нашей участию в отправлении законодательной и административной власти Г.И.)» [21, с. 123]. Проводились совещания, обсуждения и через печатные средства они стали известны вне границы и активно обсуждались. Предлагались различные варианты политического устройства страны. Общественная полемика продолжалась долго, но была не без основания.

В это время П.Д. Святополк-Мирский активно готовил свою программу политических преобразований, а его помощником в этом деле стал С.К. Крыжановский. В результате их интеллектуального труда был представлен императору документ «о различных вольностях», который предлагал привлечение выборных представителей в Государственный совет.

В другом документе, который назывался «Записка о допущении населения к непосредственному участию в отправлении законодательной и административной власти с образованием представительного учреждения», Святополк-Мирский писал: «…залогом правильного развития нашей жизни является, во-первых, допущения населения нашей участию в отправлении законодательной и административной власти с образованием для этой цели выборного представительного учреждения, облеченного правом надзора за действиями министров и привлечении их к ответственности, а во-вторых, обеспечение за каждым лицом путем формальных правовых гарантий известного объема неотъемлемых общественных и политических прав: свободы лично-

сти, свободы совести и слова, свобода сходок, ассоциаций и прочее…» [5]. Проект П.Д. Святополка-Мирского в некоторой степени дублировал идеи проекта П.А. Валуева о преобразовании Государственного совета.

Вслед за этим последовал указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 14 декабря 1904 года. Этот указ был не только напоминанием, но и обращением правительства к народу, подчеркивающим важность сохранения порядка и сдерживание программы умеренных реформ.

Согласно мнению профессора О.Г. Малышевой, одной из причин кризиса в начале XX века стал неполный характер реформирования в XIX веке, который не затронул политической структуры [14, с. 29].

В революционной обстановке, сопровождающейся постоянными митингами, демонстрациями рабочего класса, различными политическими проектами для реформирования управления страной и недовольством церковной бюрократией, политическая элита и правительство в лице выдающегося деятеля П.А. Столыпина убедили императора принять решение о развитии новой общественной системы государства.

Император подписал высочайший Манифест от 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка».

Позднее, император Николай II написал: «Только и были сведения о забастовках в учебных заведениях, аптеках… об убийствах городовых, казаков, солдат, о разных беспорядках, волнениях и возмущениях. А господа министры, как мокрые курицы, собрались и рассуждали о том, как сделать объединение всех министерств, вместо того, чтобы действовать решительно» [24, с. 539].

Уже задолго до октябрьского манифеста начали формироваться активные идейные общественные группы и политические организации. Манифест только усилил эту динамику. В стране активно создавались новые общественные организации, политические партии приобретали форму, проводились собрания и съезды.

Позднее был опубликован и Манифест о преобразовании государственного совета.

С появлением Манифеста от 17 октября 1905 года и избирательного закона 1906 года, политическое управление Империей приобрело новый облик.

Однако заявленные принципы в Манифесте не спешили быть осуществленными ни политической элитой страны, ни традиционно консервативными силами общества.

Правоконсервативные силы заняли ожидающую позицию. Следует отметить, что правоконсервативный лагерь начал формироваться еще в 1900 году, и он стал политической силой, противостоящей революционному движению.

Именно правому лагерю предстояло активно участвовать в избирательных кампаниях с 1906 по 1912 годы и конкурировать с оппонентами царского режима, а также принимать участие в работе Государственной думы и Государственного совета, поддерживая политику правительства и императора.

23 декабря 1905 года делегация «Союза русского народа» вручила Николаю II два значка с эмблемой «Союза» – один для него самого, другой – для царевича. Царь не только почувствовал себя уважаемым, но и решил разместить объявление об этом на страницах националистической монархической газеты «Московские ведомости». Николай с благодарностью принял значки и заявил: «Возложенное на меня в Кремле Московском бремя власти Я буду нести Сам и уверен, что русский народ поможет Мне. Во власти Я отдам отчет перед Богом» [24, с. 541].

Следует отметить, что многие правомонархисты были против введения новых политических порядков, в том числе двухпалатного законодательного органа и парламентской практики в России. Они даже изначально не рассматривали парламент как серьезное политическое действие. Несколько высказываний представителей консервативного лагеря можно привести в качестве примера.

Например, известный деятель славянофильства Ф.Д. Самарин высказывался следующим образом относительно манифеста 1905 года: «… Не вижу надобности в формальной отмене Манифеста 17 октября 1905 года… власть зиждется у нас не на каком-нибудь законодательном акте, не той или иной статье Свода законов. Она создана нашей историей, она выросла вместе с Русской землей и корни ее глубоко проникли в народную почву. Поэтому отменить или умалить и поставить в известные пределы власть русского царя не может никто, хотя бы и сам самодержец. Она остается неизменной, доколе будут существовать те реальные условия из коих она возникла и в коих она черпает свою силу. Я глубоко убежден, что судьба русского самодержавия зависит не оттого, останется ли в силе Манифест … а от того, будет ли оно само сознавать свое историческое значение, останется ли оно верно своему призванию и оправдает ли оно, наконец, ту народную веру, в которой заключается вся его жизненность и сила» [6, л. 97; 17, с. 113-114].

В статье «Нищета парламентаризма» Андрей Вязигин высказывает свою поддержку идеи созидательного национализма и подробно анализирует деятельность парламентов за рубежом, освещая их наиболее отвратительные и позорные стороны. Он упоминает о продажности народных представителей, о коррупции на выборах, о драках в парламентах, о разрушении семейного благополучия, о вырождении и алкоголизме, о росте преступности, безверии, кричащем нищете, который приводит к самоубийствам и смертям от голода, а также о ухудшении социальной борьбы в странах, где народ якобы является вершителем своей судьбы. Прогрессивные и передовые мыслители на Западе с ужасом указывают на глубину, в которую он погружается.... [3, с. 146]. На Западе наши писатели считают учителями жизни, они ценят их усердные поиски лучшего... Глупый и наивный народ не мог бы породить таких сыновей, как Пушкин, Достоевский, Тургенев, Толстой... [3, с. 147].

На Западе часто говорят и пишут о крахе парламентаризма, который не оправдал возложенных на него надежд... Не зря в Германии популярны такие названия для парламентов, как «заведения для разговоров», «мельницы голословия» и т.д. [3, с. 151] Далее Вязигин цитирует высказывание философа и историка И. Тэна о том, что механизм выборов является грубым и порой грязным.

Критики правового подхода к анализу российской государственности, консерваторы указывали на особый характер православной державы, где церковные каноны имели большее значение, чем законодательные акты. депутат Государственной думы Г.А. Шечков утверждает, что, опираясь на каноны, можно успешно действовать вне области законодательства, но в сфере, так сказать, господствующей над ним. Ведь сам царь получает власть от церкви, благословляющей его, только после признания канона. При конфликте между светскими законами и церковными правилами последние должны иметь приоритет... Основываясь на непоколебимых основах канонов, мы можем успешно опережать возникающее законодательство [20, с. 56].

В консервативных кругах говорили также: «Манифест 17 октября – это вынужденный акт, что не имеет значения, подобно тому, как вексель, подписанный под дулом пистолета, не имеет значения» [20, с. 56].

Согласно исследователю К.А. Соловьеву, апология самодержавия и православия отнюдь не подразумевала единодушия в оценке манифеста 17 октября 1905 года и основных государственных законов 23 апреля 1906 года. В консервативной среде возникали серьезные разногласия по

этому вопросу. Многих представителей консервативной мысли возмущал сам факт представительства в законодательном органе [20, с. 56]. Ф.Д. Самарин, например, считал манифест 17 октября 1905 года «позорной капитуляцией» царской власти. Такого же мнения придерживался и Д.И. Пихно, который говорил: «Что касается акта 17 октября, я убежден, что это была сдача не только перед революционным принципом, но и перед ничтожными силами революции, которые можно было разбить одним ударом и изменить течение событий».

Историческим актом, подписанным императором, «Конституция» вступила в свои законные права, и новый политический строй укреплялся с каждым днем. Революционные настроения массы, не без участия внешних и внутренних элит, добились значительных уступок со стороны императорской власти. Анархисты не приняли потери идеологических начал российского государства, религиозно-политической мессианской модели императорской власти. В жизнь Империи проник же закон под влиянием революционных принципов.

Сенатор А.Н. Наумов в письме бывшему товарищу-министру внутренних дел В.И. Гурко пишет: «…с Россией все кончено, по крайней мере до ее воскресенья. Выразиться же это воскресение, конечно,… не в отмене существа и внешности Манифест 17 октября, а должно быть всеобъемлющим возвращением к старому после полного разложения трупа, в коем только начинают копошиться конституционные червяки…» [20, с. 56].

Обсуждение реформы представительной системы в правых кругах не прекращалось до падения монархии, начиная с момента публикации манифеста 17 октября. Через месяц после принятия этого манифеста С.Ф. Шарапов и князь А.Г. Щербатов предложили созвать Земский собор, который должен был восстановить нарушенный царский порядок. Такие же предложения поступали и от И.Л. Горемыкина, который считал, что необходимо отказаться от законодательного представительства. А.А. Нарышкин, один из ведущих правых политиков Государственного совета, считал, что в итоге Дума, рано или поздно, должна будет признать, что она неспособна играть роль законодательного органа в России [20, с. 58].

Высказывания, записки и переписка между ведущими общественными и политическими деятелями позволяют раскрыть истинные настроения консервативных политических кругов. Именно в такой морально-психологической атмосфере они приступили к участию в избирательной кампании и парламентской деятельности.

Некоторые правомонархисты, такие как А.И. Лыкошин, граф С.Д. Шереметьев, Н.В. Шаховской, А.А. Ширинский-Шихматов, не смотрели на новый порядок столь пессимистично. Они постарались вписать свои прежние идеологические установки, основанные на религиозно-политической, мессианской модели «Царь - Церковь – Народ», в рамки новой политической системы «Царь - Бог - Закон – Народ». Н.Е. Марков, депутат, заявлял с думской трибуны: «Конституционный строй или самодержавный строй должны быть в руках народа, а не исполнительной власти». Многие ораторы в нижней палате парламента говорили о том, что народ стал источником власти.

Даже лидер пролетариата В.И. Ленин писал: «Царский манифест обещает прямую конституцию: Дума получает законодательные права, ни один закон не может войти в силу без одобрения народными представителями, дарована ответственность министров, дарованы гражданские свободы, неприкосновенность личности, свобода совести, собраний, союзов…» [12, с. 30].

11 декабря 1905 года император Николай II подписал «Высочайший указ об изменении положения о выборах в Государственную Думу и изданные в дополнение к нему узаконения», которые значительно расширяли права и состав российского избирательного корпуса.

Крупный общественный деятель, член СРН В.М. Пуришкевич, выступал с критикой нового избирательного закона, заявляя, что «высочайшим указом» от 11 декабря 1905 года «цензовое избирательное право было демократизировано настолько, что приблизилось к всеобщему» [2].

В целом, анализ избирательного законодательства позволяет сделать вывод о том, что «с одной стороны, особенности российского менталитета и политических традиций играли огромную роль, а с другой стороны, сложные социально-экономические противоречия и жизненная необходимость модернизации общественно-политической системы в соответствии с европейским развитием. Власть, несмотря на свои исходные позиции, была вынуждена под давлением революционных настроений создать всеобщие представительные органы. Однако, по мере постепенного снижения революционного потенциала, власть начала совершенствовать избирательное законодательство, подстраивая его под свои интересы и представления о благе государства и народа» [13, с. 62].

Список литературы:

1. Витте С.Ю. Воспоминания. Л., 1924. Издательство: Государственное издательство. – Т. III Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849-1894). 416 с.
2. Владимирские губернские ведомости. 12 января 1906 г. // URL: https://nlr.ru/res/inv/ukazat55/kw_records.php?kw_s=%D0%B2%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%20%D0%B3%D1%83%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%20%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8&ids=240665&kw_t=%D0%92%D0%9B%D0%90%D0%94%D0%98%D0%9C%D0%98%D0%A0%D0%A1%D0%9A%D0%98%D0%95%20%D0%93%D0%A3%D0%91%D0%95%D0%A0%D0%9D%D0%A1%D0%9A%D0%98%D0%95%20%D0%92%D0%95%D0%94%D0%9E%D0%9C%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%98
3. Вязигин А.С. Манифест созидательного национализма / Составление и комментарии А. Каплина и А. Степанова; Ответ. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. 400 с.
4. ГАРФ. Ф.543. Д. 514. Т. I. Лл. 128-149.
5. ГАРФ. Ф 543. Оп.1. Д. 513. Л. 8.
6. ГАРФ Ф102. Оп.265. Д. 332. Л.97.
7. Глинский Б.Б. Борьба за конституцию. 1612-1861 гг.: Ист. очерки / Б.Б. Глинский. – Санкт-Петербург: Н.П. Карбасников, 1908. X. 619 с.
8. Горянин А.Б. Мифы о России и дух нации. М.: Pentagraphic, Ltd, 2002. 329 с.
9. Гребенкин А.Н. Предыстория российского конституционализма: проекты XVII – начала XX века. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/predystoriya-rossiyskogo-konstitutsionalizma-proek ty-xvii-nachala-xx-veka
10. Конституционные проекты в дореволюционной России. // URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5d9c680e2beb4900adf 5da1e/konstitucionnye-proekty-v-dorevoliucionnoi-rossii-5ef9bdd9f4aaf816ef9cc945
11. Корнилова Л. Вызовы современности / Л. Корнилова // Государственная служба. 2013. № 2. С. 21.
12. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т. 12, М.: Издательство политической литературы, 1968. 575 с.
13. Липатова О.В. Выборы в Государственную Думу Российской империи во Владимирской губернии: [монография] / О.В. Липатова. – Москва; Ростов на Дону: [СКАГС], 2006. 187 с.
14. Малышева О.Г. Думская монархия: рождение, становление, крах / О.Г. Малышева; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – Москва: изд-во РАГС, 2003. 21 см.
15. Обозрение проявлений политической жизни в России и другие статьи М.А. Фонвизина / [соч.] М.А. Фонвизина. Проект конституции / [соч.] Никиты Муравьева. – Москва: «Библиотека декабристов», 1907. – XII, 178, [2] с., [2] л. портр.; 24 см.
16. Пестель П.И. Русская правда: Наказ Временному верховному правлению / П.И. Пестель; [Предисл.: П. Щеголев]. – Санкт-Петербург: Культура, 1906. XIV, [2]. 245 с.
17. Правые партии: Документы и материалы, 1905-1910 гг. В 2 т. – М.: 1998. Т. 1. С. 113-114.
18. Рябов В.В. Общественно-политические движения в Новое и Новейшее время: Учеб. пособие по гуманитар. дисциплинам для студентов ист. фак. пед. вузов и учащихся общеобразоват. учреждений с углубл. изучением гуманитар. предметов / В.В. Рябов, Е.И. Хаванов; Правительство Москвы. Ком. образования. Моск. гор. пед. ун-т. - Москва: Жизнь и мысль: Моск. учеб., 2001. 254 с.
19. Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской Империи, 1906-1917 [Текст]: Ист.-правовой очерк / А.Ф. Смирнов; [Вступ. слово Г.Н. Селезнева]. – Москва: Кн. и бизнес, 1998. 621 с.
20. Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906-1914) [Текст]: [монография] / К.А. Соловьев; Ин-т общественной мысли. – Москва: РОССПЭН, 2011. 510 с.
21. Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1902-1907 гг. / Ю.Б. Соловьев. – Ленинград: Наука: Ленингр. отд-ние, 1981. 256 с.
22. Сперанский М.М. План государственного преобразования графа М.М. Сперанского: (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.): С прил. «Записки об устройстве судебных и правительств. учреждений в России», (1803 г.), статей «О государственных установлениях», «О крепостных людях» и «Пермского письма к императору Александру». – Москва: Русская мысль, 1905. VI. 359 с.
23. У истоков Российского парламентаризма / [Федер. программа книгоизд. России; И.В. Лукоянов]. – Санкт-Петербург: Лики России, 2003. 413 с.
24. Уотман Ричард С. Сценарии власти: Мифы и церемонии рус. монархии: Материалы и исслед. / Ричард С. Уортман. – Москва: ОГИ, 2002. – 22 см. – Материалы и исследования по истории русской культуры…. Т. 1 вып. 8: От Петра Великого до смерти Николая I. Т. 1 вып. 8 / [Авториз. пер. С.В. Житомирской]. 2002. 606 с.
25. Шильдер Н.К. «Император Александр I, его жизнь и царствование». СПб.: Издание А.С. Суворина, 1897-1898.
26. Рябова Е.Л. Политическая власть в условиях нарастания сетевых коммуникаций: новые вызовы и новые возможности // Культура мира. 2023. Том 11. Вып. 1. № 30. С. 89-102.
27. Щупленков Н.О., Рябова Е.Л. Информационная культура – оценка современного состояния проблемы // Культура мира. 2023. Том 11. Вып. 1. № 30. С. 140-157.
28. Рябова Е.И., Рябова Е.Л. Две экологические культуры: устойчивость противоположностей или признак глобального кризиса // Культура мира. 2022. Том 10. Вып. 3. № 28. С. 107-119.
29. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Осмысление опыта Парижской Коммуны в сфере образования и культуры // Культура мира. 2022. Том 10. Вып. 2. № 27. С. 34-46.
30. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Социокультурные детерминанты современного евразийского разворота России // Культура мира. 2022. Том 10. Вып. 2. № 27. С. 59-71.
31. Рябова Е.Л. К вопросу о единстве образования и воспитания: институциональный дискурс // Казачество. 2023. № 66 (1). С. 11-18.
32. Щупленков Н.О., Рябова Е.Л. Роль фактора времени в политической культуре // Культура Мира. 2022. Т. 10. № 26 (1). С. 75-86.
33. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геопсихология и геополитика цветных линий // Казачество. 2022. № 59 (2). С. 9-18.
34. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Чумаки и казаки: опыт сравнительного исследования // Казачество. 2022. № 62 (5). С. 42-50.

35. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экономическое, политическое и кросс-культурное значение отелей // Альманах Крым. 2022. № 31. С. 61-72.
36. Рябова Е.И., Рябова Е.Л. Дихотомия культуры: конфликт ценностей экологии и экономики // Альманах Крым. 2022. № 32. С. 11-19.
37. Кантаева О.В., Рябова Е.Л. Региональные аспекты реализации государственных инициатив по стимулированию активного долголетия и физической активности пожилых граждан // Альманах Крым. 2022. № 32. С. 42-51.
38. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Явные и скрытые смыслы забастовок // Власть истории и история власти. 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 30-42.
39. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. 80-лет парада на красной площади: историко-культурный и геополитический смыслы парадов // Казачество. 2021. № 57 (7). С. 9-18.
40. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Боль разделенных городов - последствия геополитических игр // Власть истории и история власти. 2021. Т. 7. № 1 (27). С. 10-20.
41. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитическая авантюра: цена внешнеполитического просчета в истории // Власть истории и история власти. 2021. Т. 7. № 5 (31). С. 515-524.
42. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Политизация образов истории повседневности (на примере образа ворот) // Власть истории и история власти. 2021. Т. 7. № 7 (33). С. 782-791.
43. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитические смыслы закрытых границ: размышления в связи с карантином // Альманах Крым. 2020. № 20. С. 11-22.
44. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экологические смыслы международного сотрудничества: все тайное становится явным // Власть истории и история власти. 2020. Т. 6. № 1 (19). С. 10-19.
35. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитика в маске // Власть истории и история власти. 2020. Т. 6. № 4 (22). С. 500-511.
46. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экономическое, политическое и кросс-культурное значение отелей // Альманах Крым. 2022. № 31. С. 61-72.
47. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Православные основы самоидентификации российского казачества: история и современность // Казачество. 2019. № 38 (2). С. 35-44.

Bibliography

1. Witte S.Yu. Memories. L., 1924. Publisher: State Publishing House. – T. III Childhood. Reigns of Alexander II and Alexander III (1849-1894). 416 p.
2. Vladimir Provincial Gazette. January 12, 1906 // URL: https://nlr.ru/res/inv/ukazat55/kw_records.php?kw_s=%D0%B2%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%20%D0%B3%D1%83%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%20%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8&ids=240665&kw_t=%D0%92%D0%9B%D0%90%D0%94%D0%98%D0%9C%D0%98%D0%A0%D0%A1%D0%9A%D0%98%D0%95%20%D0%93%D0%A3%D0%91%D0%95%D0%A0%D0%9D%D0%A1%D0%9A%D0%98%D0%95%20%D0%92%D0%95%D0%94%D0%9E%D0%9C%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%98
3. Vyazigin A.S. Manifesto of creative nationalism / Compilation and comments by A. Kaplin and A. Stepanov; Answer. ed. O. Platonov. – M.: Institute of Russian Civilization, 2008. 400 p.
4. GARF. F.543. D. 514. T. I. Ll. 128-149.
5. GARF. F 543. Op.1. D. 513. L. 8.
6. GARF F102. Op.265. D. 332. L.97.
7. Glinsky B.B. The fight for the constitution. 1612-1861: East. essays / B.B. Glinsky. – St. Petersburg: N.P. Karbasnikov, 1908. X. 619 p.
8. Goryanin A.B. Myths about Russia and the spirit of the nation. M.: Pentagraphic, Ltd, 2002. 329 p.
9. Grebenkin A.N. Prehistory of Russian constitutionalism: projects of the 17th – early 20th centuries. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/predystoriya-rossiyskogo-konstitutsionalizma-proek ty-xvii-nachala-xx-veka
10. Constitutional projects in pre-revolutionary Russia. // URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5d9c680e2beb4900adf 5da1e/konstitucionnae-proekty-v-dorevoliucionnoi-rossii-5ef9bdd9f4aaf816ef9cc945
11. Kornilova L. Challenges of our time / L. Kornilova // State Service. 2013. № 2. P. 21.
12. Lenin V.I. Full composition of writings. – Vol. 12, M.: Publishing House of Political Literature, 1968. 575 p.
13. Lipatova O.V. Elections to the State Duma of the Russian Empire in the Vladimir province: [monograph] / O.V. Lipatova. – Moscow; Rostov-on-Don: [SKAGS], 2006. 187 p.
14. Malysheva O.G. Duma monarchy: birth, formation, collapse / O.G. Malysheva; Ross. acad. state services under the President of Russia. Federation. – Moscow: publishing house RAGS, 2003. 21 p.
15. Review of manifestations of political life in Russia and other articles by M.A. Fonvizina / [op.] M.A. Fonvizina. Draft constitution / [op.] Nikita Muravyov. – Moscow: "Library of the Decembrists", 1907. – XII, 178, [2] p., [2] l. portrait; 24 p.
16. Pestel P.I. Russian truth: Instruction to the Provisional Supreme Government / P.I. Pestel; [Preface: P. Shchegolev]. – St. Petersburg: Culture, 1906. XIV, [2]. 245 p.
17. Right parties: Documents and materials, 1905-1910. In 2 volumes - M.: 1998. Vol. 1. P. 113-114.
18. Ryabov V.V. Socio-political movements in New and Contemporary times: Textbook. Humanities manual. disciplines for students of history. fak. ped. universities and general education students. institutions with in-depth studying the humanities. objects / V.V. Ryabov, E.I. Khavanov; The government of Moscow. Com. education. Moscow mountains ped. univ. - Moscow: Life and Thought: Moscow. textbook, 2001. 254 p.
19. Smirnov A.F. State Duma of the Russian Empire, 1906-1917 [Text]: Historical legal essay / A.F. Smirnov; [Intro. word G.N. Selezneva]. – Moscow: Book. and business, 1998. 621 p.
20. Soloviev K.A. Legislative and executive power in Russia: mechanisms of interaction (1906-1914) [Text]: [monograph] / K.A. Soloviev; Institute of Social Thought. – Moscow: ROSSPEN, 2011. 510 p.

21. Soloviev Yu.B. Autocracy and nobility in 1902-1907. / Yu.B. Soloviev. – Leningrad: Science: Leningr. department, 1981. 256 p.
22. Speransky M.M. Plan of state transformation of Count M.M. Speransky: (Introduction to the Code of State Laws of 1809): With adj. "Notes on the structure of courts and governments. institutions in Russia" (1803), articles "On State Establishments", "On Serfs" and "Perm Letter to Emperor Alexander". – Moscow: Russian Thought, 1905. VI. 359 p.
23. At the origins of Russian parliamentarism / [Federal. book publishing program Russia; I.V. Lukoyanov]. – St. Petersburg: Faces of Russia, 2003. 413 p.
24. Whatman Richard S. Scenarios of power: Myths and ceremonies Russian. monarchy: Materials and research. / Richard S. Wortman. – Moscow: OGI, 2002. – 22 cm. – Materials and research on the history of Russian culture….
Vol. 1 issue. 8: From Peter the Great to the death of Nicholas I. Vol. 1 issue. 8 / [Author. lane S.V. Zhitomir]. 2002. 606 p.
25. Schilder N.K. "Emperor Alexander I, his life and reign." St. Petersburg: Publishing house A.S. Suvorin, 1897-1898.
26. Ryabova E.L. Political power on the rise network communications: new challenges and new opportunities // Cultural World. 2023. Vol. 11. Issue 1. № 30. P. 89-102.
27. Shuplenkov N.O, Ryabova E.L. Information culture – assessment of the current state of the problem // Cultural World. 2023. Vol. 11. Issue 1. № 30. P. 140-157.
28. Ryabova E.I., Ryabova E.L. Two Ecological Cultures: Stability of Opposites or a Sign of a Global Crisis // Cultural World. 2022. Vol. 10. Issue 3. № 28. P. 107-119.
29. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Comprehending Paris Commune experience in the sphere of education and culture // Cultural World. 2022. Vol. 10. Issue 2. № 27. P. 34-46.
30. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Sociocultural determinants of Russia's modern Eurasian turn // Cultural World. 2022. Vol. 10. Issue 2. № 27. P. 59-71.
31. Ryabova E.L. On the issue of the unity of education and upbringing: institutional discourse // Cossacks. 2023. № 66 (1). P. 11-18.
32. Shchuplenkov N.O., Ryabova E.L. The role of the time factor in political culture // Culture of the World. 2022. Vol. 10. № 26 (1). P. 75-86.
33. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopsychology and geopolitics of colored lines // Cossacks. 2022. № 59 (2). P. 9-18.
34. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Chumaks and Cossacks: experience of comparative research // Cossacks. 2022. № 62 (5). P. 42-50.
35. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Economic, political and cross-cultural significance of hotels // Almanac Crimea. 2022. № 31. P. 61-72.
36. Ryabova E.I., Ryabova E.L. Dichotomy of culture: conflict between the values of ecology and economics // Almanac Crimea. 2022. № 32. P. 11-19.
37. Kantaeva O.V., Ryabova E.L. Regional aspects of the implementation of state initiatives to stimulate active longevity and physical activity of older citizens // Almanac Crimea. 2022. № 32. P. 42-51.
38. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Explicit and hidden meanings of strikes // The power of history and the history of power. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 30-42.
39. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. 80 years of the parade on Red Square: historical, cultural and geopolitical meanings of the parades // Cossacks. 2021. № 57 (7). P. 9-18.
40. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The pain of divided cities - the consequences of geopolitical games // The power of history and the history of power. 2021. Vol. 7. № 1 (27). P. 10-20.
41. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitical adventure: the price of foreign policy miscalculation in history // The power of history and the history of power. 2021. Vol. 7. № 5 (31). P. 515-524.
42. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Politicization of images of everyday history (using the example of the image of a gate) // The power of history and the history of power. 2021. Vol. 7. № 7 (33). P. 782-791.
43. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitical meanings of closed borders: reflections in connection with quarantine // Almanac Crimea. 2020. № 20. P. 11-22.
44. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Ecological meanings of international cooperation: everything secret becomes clear // The power of history and the history of power. 2020. Vol. 6. № 1 (19). P. 10-19.
45. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitics in a mask // The power of history and the history of power. 2020. Vol. 6. № 4 (22). P. 500-511.
46. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Economic, political and cross-cultural significance of hotels // Almanac Crimea. 2022. № 31. P. 61-72.
47. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Orthodox foundations of self-identification of the Russian Cossacks: history and modernity // Cossacks. 2019. № 38 (2). P. 35-44.